

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. К. Левашов

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

Н. П. Сащенко

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

Т. Ю. Лиханова

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

В статье излагаются результаты социально-политического анализа феномена социального оптимизма в его связи с представлениями российских граждан о позитивном образе будущего. Проблемная ситуация обусловлена актуальным познавательным запросом на осознание оптимальной устойчивой политической перспективы общества и предсказуемой личной жизненной стратегии граждан, которые должны быть релевантны социально-политическим установкам и социальным представлениям об успешном будущем России. На теоретическом уровне авторы опираются на положения когнитивной теории ожидаемой ценности, концепций коллективной эффективности и саморазвития, психического настроя, политической культуры, устойчивого социально-политического развития общества как концептуальных научных оснований исследований современной социальной реальности в системе объективно сложившихся глобальных и локальных социальных и политических отношений. На эмпирическом уровне авторы привлекают массивы информации социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, анализ которых позволяет уяснить динамику социального оптимизма в обществе, корреляционные связи между уровнями социального оптимизма и социально-психологическими, социально-экономическими и социально-политическими ресурсами российского общества и государства, способствующие или препятствующие активизации ресурсных зон социального оптимизма. Выявлены дисфункции формирования устойчивого состояния социального оптимизма: сохранение доминирующего положения в проблемном поле факторов материального положения и безопасности, размытость идеологических предпочтений и политических установок, короткий горизонт планирования будущего — личного и всей страны. Выделены социально-психологические и политические ресурсы, влияющие на изменение характера социального настроения в целом и социального оптимизма в частности и создающие пред-

посылки к сохранению исторически сложившейся политической культуры российского общества: национально-государственная идентичность, социальное доверие, ценностно-смысловая компонента исторической памяти и вектора модернизации государственной политики. В ряду рекомендаций научных и практических приоритетов выделены теоретический поиск и практическая разработка эффективных механизмов формирования образа справедливого устойчивого многополюсного будущего.

Ключевые слова: социальный оптимизм, образ будущего, политическая культура, социальная тревожность, идентичность, институциональное доверие, социальные и политические ценности и институты, горизонты социально-политического ожидания и планирования.

ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОГРАММНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Проблемы изучения корреляционных и причинно-следственных связей социального самочувствия граждан с экономической и политической сферами жизнедеятельности общества всегда находились в поле зрения ученых, проводивших социально-психологические, социологические и социально-политические исследования. Сегодня в связи с глобальными изменениями, затронувшими не только экономические и политические интересы, но и социально-антропологическую реальность, возросло внимание к социально-политическому состоянию и развитию общества, коллективным чувствам и переживаниям, влиянию социальных настроений на способность граждан к созидательному труду, гендерной гармонии, оптимистической уверенности в личном и коллективном устойчивом будущем. На самочувствие человека и общества влияют как проблемы глобального дисбаланса материальных и духовных ресурсов, формирования многополюсного справедливого мира, ответственности современного человека перед будущим планеты, так и связанные с ними глокальные проблемы на уровне регионов и отдельных государств. На наших глазах происходят изменение роли национально-территориального государства, цифровая диверсификация социальных отношений, сегментация национально-государственной идентичности и государственного суверенитета. Для адаптации и жизни человека в таком сложном мире необходима устойчивая к вызовам многоуровневая социально-психологическая и социально-политическая система отношений, которая *генерализируется в политической культуре, детерминируя устойчивый социальный оптимизм как эмоционально-рациональные проявления настроений, предчувствий, ожиданий, установок, мнений, оценок, знаний, убеждений и действий*. Она выстраивается по критериям уверенности в своих силах и готовности своей социальной общности противостоять вызовам, оптимистическом видении и реализации своего личного и страны устойчивого будущего, доверия государству и социальным институтам, которым социум делегирует полномочия политического управления для достижения целей позитивной перспективы и реализации экзистенциальных смыслов.

Исследования поиска детерминант и выявления структурных характеристик социального оптимизма в тех или иных проявлениях и формах проводятся учеными, работающими в психологических, социально-психологических, социо-

логических, политических областях знаний. Вместе с тем существуют неисследованные области:

— пока не определены границы социального оптимизма общества в совокупности проявлений социально-психологических и социально-политических аспектов политической культуры;

— не выявлен механизм влияния политического контекста, институционального доверия и политических установок на социальное настроение и социальный оптимизм;

— существуют лакуны в исследовании взаимовлияния социального оптимизма и образа коллективного будущего.

На уровне фундаментального знания сформировалась актуальная потребность разобраться в феномене социального оптимизма, факторах его возникновения, множественной детерминации, его ресурсах и взаимовлиянии на политическую сферу.

Целью работы стало определение в массовом сознании ресурсных зон формирования социального оптимизма в современном социально-политическом контексте, выявление корреляций качественных и количественных параметров политической культуры — детерминант социального оптимизма в зависимости от набора факторов в каждой группе ее эмоциональных и рациональных ресурсов.

Основная задача исследования заключалась в определении общего уровня сформированного социального оптимизма, поиске и измерении корреляционной связи между социальным оптимизмом респондентов и значимыми факторами трех групп его ресурсов: социально-психологических, социально-экономических и политико-идеологических.

Вспомогательные задачи решались в ходе поиска ответов на вопросы:

— При каких внешних и внутренних социально-политических условиях социальные настроения, социальный оптимизм в частности, достигают максимума — высоких значений?

— В какой степени социальный оптимизм чувствителен к социально-политическому контексту?

— Существует ли взаимовлияние социального оптимизма, образа будущего, самооценки национально-государственной идентичности, институционального доверия, политических установок и политических ориентаций?

Первую группу ресурсов социального оптимизма составили следующие социально-психологические факторы:

— социальное настроение (коллективные чувства) в восприятии образа будущего,

— социальное настроение в восприятии настоящего, прошлого,

— социально-перцептивная оценка «Я — Мы», «Я — Другие»,

— коллективный образ будущего, его оценка,

— вера в позитивный образ будущего,

— долгосрочная ориентация (горизонты планирования жизни).

Вторая группа ресурсов социального оптимизма состоит из следующих социально-экономических факторов:

- самооценка материального уровня жизни;
- социальное неравенство;
- проблемы выживания и безопасности;
- социальная поддержка и социальная изоляция;
- социальная идентичность;
- отношение к экономическому курсу страны.

Третья группа ресурсов социального оптимизма включила в себя следующие политико-идеологические факторы:

- отношение к политической системе;
- доверие к политическим институтам;
- доверие к социальным институтам и институтам гражданского общества;
- национально-государственная идентичность;
- отношение к политическим процессам: санкции против России, ухудшение отношений со странами Запада, продолжение специальной военной операции;
- политическая самозффективность, политическое участие, политические установки;
- отношение к политической идеологии как образу будущего обустройства России.

В ходе первого этапа исследования проверялись **гипотезы** зависимости уровня социального оптимизма от ряда факторов, входящих в каждую из трех ресурсных групп.

Первая гипотеза — положительный полюс социального настроения и уровень политической культуры достигают максимумов высоких значений социального оптимизма при следующих внутренних условиях, имеющих конструктивный характер:

- снижение актуальности проблем материального характера;
- снижение актуальности проблем безопасности;
- уменьшение социального неравенства;
- наличие перспективного идеологического концепта.

Вторая гипотеза — в большей мере на социальный оптимизм влияют:

- высокая самооценка национально-государственной идентичности;
- умеренные политические установки на защиту личных и общественных интересов;
- высокие значения институционального доверия;
- сформированный устойчивый общенациональный образ будущего.

Эмпирической базой исследования послужили информационные массивы социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, в частности анализ массива данных социологического исследования, проведенного в июне 2023 г.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование социального оптимизма, в частности зависимости уровня тональности социального настроения от социально-политического контекста, базировалось на следующих методологических предпосылках.

Философское осмысление социального оптимизма/пессимизма, его сущности, структуры, специфики было предпринято в начале XX столетия, когда известные мэтры отечественной социально-философской мысли обратили внимание на категорию настроения как социального феномена [Бехтерев, 1911; Богданов, 1906; Сорокин, 1992; Толстой, 1909]. Эти размышления стали, по сути, мировоззренческими и методологическими основаниями расширения философской теории антропогеми до уровня функционалистской теории общества. В отечественной социальной философии по различным аспектам оптимизма и пессимизма имеется ряд интересных исследований, в которых в значительной мере абсолютизируют отдельные компоненты этих феноменов: настроения, принцип инновационного мировоззрения, оценочный модус социального оптимизма, мотивационно-поведенческий аспект и др. [Дробницкий, 1963; Синютин, 1986; Тимофеев, 1975]. Выделяя всеобщие, проявляющиеся в поведении каждого человека тенденции, ученые пришли к выводу, что типологии поддаются лишь устойчивые компоненты социального оптимизма: уверенность, вера, убежденность, надежда, ценностные ориентации, общая направленность.

В отечественной психологии ученые сводят оптимизм преимущественно к индивидуальным проявлениям психики, социальная сущность этих феноменов нередко анализируется фрагментарно. Психологи в основном фокусируют свое внимание на индивидуальных внутренних механизмах, вызывающих те или иные психические состояния. Плодотворно исследованы позитивное/негативное эмоциональное предвосхищение будущего, зависимость полярности знака антиципации (прогностической активности) от субъективной интерпретации, а точнее, от оптимистического/пессимистического стиля объяснения [Немчин, 1983; Сычев, 2008]. Стиль объяснения будущего (диспозиционный оптимизм и пессимизм), а соответственно и модели саморегуляции поведения в американской психологии рассматривали через особенности ожиданий человека (М. Шейер и Ч. Карвер) в так называемой когнитивной теории «ожидаемой ценности» [Scheier et al., 1994]. Получили развитие положения теории каузальной атрибуции (Д. Тибо и Г. Келли) о том, что человек, не имея достаточной информации для интерпретации происходящих событий и поведения других людей, приписывает им некоторые гипотетические причины [Kelley, Thibaut, 1959]. В результате научения у человека складывается устойчивый стиль атрибуции, который во многом определяет его поведение. Именно стиль атрибуции, по мнению М. Э. Селигмана, является основой оптимизма-пессимизма как свойства личности. В соответствии с концепцией М. Э. Селигмана, оптимисты отличаются от пессимистов тремя основными параметрами стиля атрибуции: постоянством, шириной и персонализацией [Seligman, 2006].

В социальной психологии настроение как индикатор психического состояния человека в целом, а вместе с тем и как одна из важнейших структурных составляющих психологии личности получило научную коннотацию в контексте микро- и макроявлений благодаря работам советского ученого Б. Д. Парыгина [Парыгин, 1966; Парыгин, 1971]. Обращение к феноменам настроения и психического настроения «не как частного, фрагментарного элемента в сфере эмоцио-

нальных состояний индивида или личности, а как эквивалента их динамических структур, в том числе и регуляторной направленности психического состояния на разнообразные действия» [Журавлев, Мироненко, 2012, с. 33] показало различную степень социальной обусловленности и социальной значимости настроений. Выявление предметной направленности настроений и тональности эмоционального настроя по Б. Г. Парыгину, характера эмоционального накала по М. Г. Ярошевскому показало не только социальную обусловленность настроения социально-политическим контекстом [Петровский, Ярошевский, 1990]. Проявление эмоциональной тональности настроения в конкретной социальной среде обусловили социологическое видение и комплексный социально-психологический подход в исследованиях проблем общественных и социальных настроений [Поршнева, 1979; Тощенко, 1998; Тощенко, 1999; Тощенко, 2009].

В последние годы среди социальных психологов расширилась проблематика в исследовании социального оптимизма: от генерализованного ожидания благополучного преодоления социальных проблем в будущем до преодоления преступности, коррупции, социального неравенства, экономических кризисов и подверженности катастрофам [Донцов, Зеленев, 2010; Schweizer, Schneider, 1997]; от оценки контролируемости негативных событий, а также вероятности социальных кризисов и техногенных катастроф [Matonytė et al., 2017] до социально-психологических предпосылок устойчивости социального оптимизма в условиях кризиса [Нестик, 2023].

Социальный оптимизм рассматривается в оппозиции «социальный оптимизм — пессимизм» при изучении общего эмоционального фона в процессе конструирования образа будущего. Этот фон определяется как недифференцированное ощущение эмоционального благополучия или неблагополучия, проявляющееся в глобальной оценке перспектив благосостояния своей социальной группы на ближайшее и более отдаленное будущее [Емельянова, Дробышева, 2013; Духина, 2014]. Это общее недифференцированное ощущение в процессе постепенного осознания, рационализации дифференцируется, подкрепляется оценочными паттернами субъективной интерпретации и сформированным в сознании прогностическим образом будущего и закрепляется в социальном самочувствии. Другой полюс социального оптимизма — социальный пессимизм формируется как реакция на неопределенную ситуацию в обществе, порождающую тревожность, неуверенность в будущем, в реализации социальных ожиданий и в своих возможностях решить проблемы [Марцинковская, 2017]. Исследования причин возникновения социального пессимизма в ситуации пандемии показали механизм снижения в обществе устойчивости к неопределенности, долгосрочной ориентации [Емельянова, Нестик, Семенова, 2022].

Концепция коллективной самооэффективности в исследованиях социального оптимизма хорошо представлена в зарубежной литературе [Bandura, 2000; Muncy, Iyer, 2020; Pietrantoni, 2014]. Социальный оптимизм этой группой ученых понимается как групповая самооэффективность, т. е. убеждение членов группы в способности совместными усилиями достичь тех или иных целей, справиться с теми или иными проблемами [Bandura, 2000].

В политической психологии социальный оптимизм также рассматривают как важный компонент в структуре феномена психологического состояния общества и к тому же выделяют его значимость в его связи с политикой [Шестопад и др., 2021]. В рамках политико-психологического подхода психологическое состояние общества понимается как совокупность массовых и коллективных переживаний, представлений, образов, ценностей и установок, влияющих на функционирование социальных институтов, которые могут оказать влияние на политические процессы в современной России. При этом социальный оптимизм в свою очередь является результатом сформированного отношения граждан к своему коллективному прошлому, настоящему и будущему.

В зарубежных работах учитывается, как члены группы оценивают коллективную историю: аспекты оценки коллективной истории и их роль во внутригрупповом взаимодействии [Makanju, Livingstone, Sweetman, 2023]. В качестве индикаторов социального оптимизма рассматривают надежду на благополучное будущее и веру в способность общества справляться с трудностями [Jin, Kim, 2019; Muncy, Iyer, 2020].

Социальному оптимизму наряду с другими эмоциональными проявлениями (надежда и гнев) в социальных настроениях политические психологи отводят роль ведущего фактора политической активности [Cornish, Campbell, Montenegro, 2018], посредника в рамках коллективных действий и участия в коллективной мобилизации [Wlodarczyk et al., 2017], а также роль активного и уникального мотивирующего фактора в регулировании расовых эмоций [Phoenix, 2020].

В социологической науке, приняв эстафету и продолжив идеи классиков философии и социальной психологии, ученые рассматривают социальный оптимизм как одну из характеристик социального настроения, которое в свою очередь является доминантной характеристикой общественного сознания [Тощенко, 1998; Ядов, 1987]. Социальный оптимизм тесно связан с доверием к социальным институтам, с определенной ценностной установкой групп молодежи [Темницкий, 2016], а также с доверием к политическим институтам, в частности к органам федеральной власти [Нестик, 2021а; Нестик, 2021б]. Определена связь спада социального оптимизма и условий неопределенности, возникновения угроз для жизни, при которых снижены способность людей планировать будущее, степень доверия социальным институтам, вера в свои возможности гибко и критично реагировать на недостоверную информацию [Латов, 2020; Решетников и др., 2020].

Социальный оптимизм считается индикатором реализации основных социальных потребностей, а также уверенности граждан в том, что страна движется в правильном направлении и что ситуация в стране будет улучшаться [Гончаров, 2020]. Применяя индексный подход к субъективной оценке социальных настроений россиян, некоторые исследования показали, что социальный оптимизм наряду с другими тремя из шести индексов социального настроения (материальное положение, политическая обстановка, общий вектор развития страны) не подчиняется нормальному распределению ни по одному из критериев нормальности [Барбашова, Лясковская, Шуметов, 2022, с. 2]. Индекс социального оптимизма статистически значим только с применением мягких моделей, ко-

торые интерпретируются качественно и отражают тенденции в функционировании социальных процессов [Лебедева, 2015, с. 80].

Принимая за теоретическую основу в нашей работе положения когнитивной теории «ожидаемой ценности» (М. F. Scheier, С. S. Carver), концепции коллективной самооэффективности (А. Bandura) и концепции психического настроения в социальном настроении (Б. Д. Парыгин, Ж. Т. Тощенко), обратимся к анализу феномена устойчивого социального оптимизма как эмоционального проявления позитивной тональности настроений, предчувствий, ожиданий, установок и рационально сформированных мнений, оценок, знаний, убеждений и действий в политической культуре больших социальных групп [Левашов, 2020; Левашов, 2018; Левашов, 2010], поиску ресурсных зон его приращения.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Данные для анализа были получены в ходе двух социологических исследований.

1. Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?», всего проведено 53 этапа по всероссийской выборке Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, руководитель — доктор социологических наук В. К. Левашов. Опрос населения на 53-м этапе проведен в период 5–18 июня 2023 г. в 21 субъекте РФ из всех федеральных округов. Полевой этап в регионах осуществлен Обществом с ограниченной ответственностью «Центр социального прогнозирования и маркетинга» (ООО «ЦСПИМ») под руководством кандидата философских наук Ф. Э. Шереги. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности в июне 2023 г. составил 1700 респондентов.

2. Социологическое исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле — мае 2023 г. методом интернет-опроса в 31 субъекте РФ из всех федеральных округов. Эмпирическим объектом исследования выступало студенчество России. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6757 респондентов. Научный руководитель исследования — доктор политических наук, профессор Н. М. Великая.

Инструментарий исследования

В анкеты опросов включены блоки вопросов, отражающие восприятие основными группами и слоями населения социально-политической ситуации в России. В инструментарии использованы по большей части закрытые во-

просы с предлагаемыми вариантами. Для каждого вопроса были построены частотные распределения. Гипотезы проверялись на парных распределениях. Для выявления связи между зависимой и независимыми переменными применялся метод многомерного статистического анализа данных, парный регрессионный анализ. Для вычисления доли вариации зависимой переменной, объясняемой независимыми переменными, исчислялся коэффициент детерминации R-квадрат (R²). Для анализа данных нами была использована программа SPSS.25.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Раздел 1. Социально-психологические ресурсы социального оптимизма

Параметр социального оптимизма в социологическом исследовании заложен в структуру более широкого феномена — политическую культуру и, в частности, в социальное самочувствие. Кроме этого, в социальное самочувствие включены параметры самооценки материального положения своей семьи в настоящее время, а также прогноз материального положения своей семьи через 5 лет. Социальное самочувствие жителей страны в целом, в свою очередь оказывающее существенное влияние на восприятие будущего, противоречиво и определяется общими для России факторами.

Социальный оптимизм как генерализованное ожидание лучшего будущего не явно выражен. Треть респондентов сохраняет оптимизм (32,0% — в отношении будущего страны, 35% — в отношении своего личного будущего), и менее трети настроены пессимистично (21% — в отношении будущего нашей страны и 23% — в отношении своего личного будущего). Преобладает сдержанное настроение (с надеждой и тревогой в равной степени смотрят в будущее страны 41%; а в личное будущее — 39%) (рис. 1).

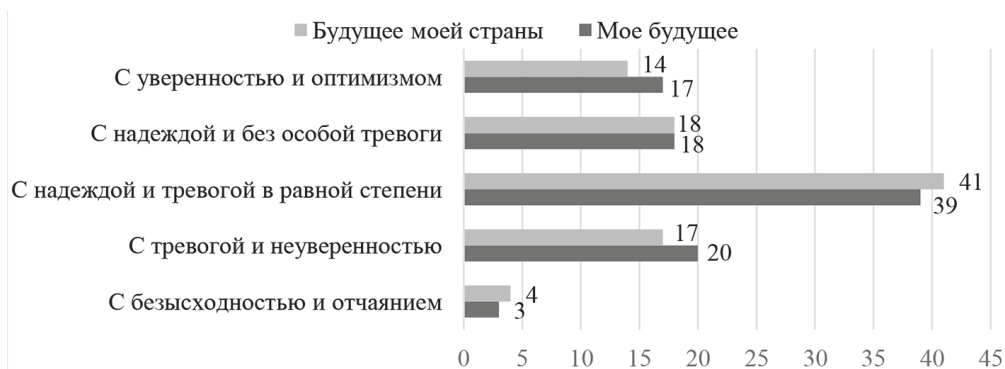

Рис. 1. Настроение, с которым респонденты смотрят в свое личное будущее и будущее нашей страны (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

Таблица 1. Самооценка материального положения своей семьи в настоящее время (распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете материальное положение вашей семьи в настоящее время?», РФ, % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2005, IX	2012, XII	2018, XII	2020, XII	2022, V	2023, VI
Очень хорошее	1	1	1	2	1	1
Хорошее	8	19	11	18	12	18
Среднее	48	55	58	63	61	61
Плохое	34	17	20	14	21	16
Очень плохое	6	3	6	1	4	2
Затруднились ответить	3	5	4	2	1	2

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

То, что в будущее нашей страны большинство респондентов смотрит в равной мере с надеждой и тревогой, коррелирует с данными, полученными нами по другим вопросам, которые ясно показывают, что респонденты испытывают как неуверенность и беспокойство по поводу будущего, так и надежды на то, что цели общественного развития будут достигаться, обстановка в обществе будет улучшаться, а его благополучие — увеличиваться. Кроме социального оптимизма к основным характеристикам социального самочувствия социологи относят уровень удовлетворенности жизнью, оценку собственного материального положения, а также прогноз его динамики на какое-то время.

По нашим данным, большинство оценивает свое материальное положение в настоящее время как среднее (61%), которое несколько улучшилось в динамике с 2005 г. (см. табл. 1).

Прогноз материального положения своей семьи через пять лет показывает вполне оптимистичный настрой: 33% оценили будущее материальное положение своей семьи как среднее, 30% — как хорошее и очень хорошее. И только 11% прогнозировали материальное положение своей семьи как плохое и очень плохое. При этом почти треть респондентов затруднились с прогнозом своего материального положения [Левашов и др., 2023, с. 60]. Неопределенность экономической политики государства, инфляция, рост цен создают трудности в предвидении человеком уровня материального положения своей семьи.

На настроение, с которым общество смотрит в будущее, оказывают влияние актуальные проблемы. В структуре проблемного поля доминирующее положение занимают проблемы материального характера и проблемы государственной и личной безопасности, на третьих и четвертых позициях стоят проблемы социальной идентичности, экологии, отношение к власти. Проблемы духовных ценностей, падение нравов, культуры, обострение межнациональных отношений на фоне проблем, занимающих первые позиции, не кажутся людям столь важными.

По нашим данным, в структуре проблемного поля представлены проблемы материального плана (рост цен на продукты питания — 49%, дороговизна жиз-

ни — 47 %, повышение тарифов на услуги ЖКХ — 31 %) и следующие за ними проблемы безопасности (проблемы проведения СВО на Украине — 33 %, угроза ядерной войны — 27 %, страх перед будущим — 25 %) [Левашов и др., 2023, с. 10].

При этом около половины населения вынуждены ограничивать себя в приобретении важных для жизни услуг и вещей: изредка ограничивают себя в приобретении одежды и обуви (47 %), продуктов питания (40 %), в медицинском обслуживании (41 %), в покупке товаров длительного пользования (47 %), в отдыхе, поездках в отпуск (41 %), в ремонте, улучшении жилищных условий (39 %). Около трети испытывают эти проблемы постоянно, за исключением тех, кто постоянно ограничивает себя в продуктах питания (10 %), медицинском обслуживании (14 %) и в покупке одежды и обуви (15 %) [Левашов и др., 2023, с. 61]. Результаты исследования демонстрируют устойчивое социальное расслоение по материальным основаниям.

Особенностью структуры социального самочувствия является смещение кривой краткосрочного прогноза уровня жизни в положительную сторону, при этом треть респондентов затруднились с ответом. В оценке нынешнего материального положения своей семьи доминируют средние значения, кривая же оптимизма смещена как в сторону положительных, так и отрицательных значений (рис. 2). Ответы сведены в единую порядковую шкалу, в которой 0 — среднее значение, -1 и -2 — отклонения от среднего значения в отрицательную сторону, а 1 и 2 — в положительную.

При этом несоответствие оценки материальных перспектив и настроения, с которым люди смотрят в будущее, является результатом инерции сознания и наличия нематериальных факторов, влияющих на социальное самочувствие. Ситуация неустойчива: можно ожидать усиление отрицательной динамики и снижения уровня оптимизма по объективным причинам. Социальное расслоение будет способствовать усилению этой тенденции.

Социальный оптимизм зависит от дистанции прогнозируемой перспективы. Возможность долгосрочного планирования своей жизни и долгосрочные цели страны, отраженные в ее будущем, порождают оптимистичную тональность в восприятии будущего — как собственного, так и страны в целом. К сожалению, россияне в малой степени указывают на долгосрочные ориентации, горизонт планирования невелик. Самый длинный горизонт планирования у россиян — до одного года (29 % планируют свое будущее на несколько месяцев вперед; 29 % — пока не планируют; 26 % — не строят планов, все делают спонтанно). И только 11 % жителей России планируют свое будущее на несколько лет вперед (рис. 3).

Прямая зависимость оптимистичного взгляда в будущее от горизонта планирования очевидна. Только планирующие свое будущее на несколько лет вперед — а таких, как показано выше, меньшинство (11 %) — смотрят в будущее с уверенностью и оптимизмом (41,5 %), а также с надеждой и без особой тревоги (23,6 %). Остальные три группы из четырех при разных долгосрочных ориентациях смотрят в свое личное будущее в меньшей мере с оптимизмом и уверенностью, а в основном с надеждой и тревогой в равной степени. Среди планирующих свое будущее на несколько месяцев вперед смотрят в личное будущее с таким настроением — 39,5 %, среди тех, кто пока не планирует свое

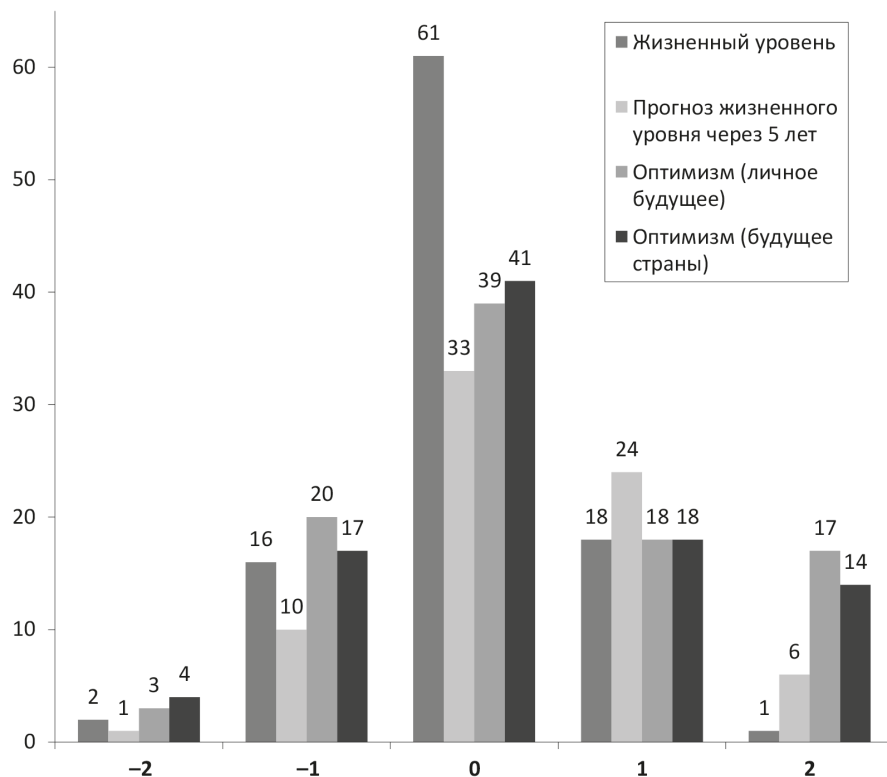

Рис. 2. Структура социального самочувствия (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

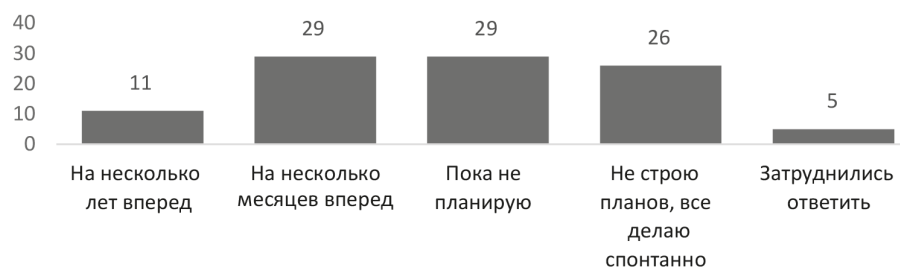

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, на какой срок они планируют свое будущее (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

Источник: [Левашов и др., 2023, с. 59].

будущее, — 42,1 %, среди тех, кто все делает спонтанно и не строит планов, — 38,4 % соответственно (табл. 2А).

Такая же прямая зависимость настроения от долгосрочных ориентаций наблюдается у респондентов в отношении будущего страны. Чем меньше горизонт планирования, тем больше тревог и неуверенности (табл. 2Б).

Таблица 2А. Настроение, с которым респонденты смотрят в личное будущее, в зависимости от горизонта планирования (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

На какой срок вы планируете свое будущее?	С каким настроением вы смотрите в свое личное будущее?					
	С уверенностью и оптимизмом	С надеждой и без особой тревоги	С надеждой и тревогой в равной степени	С тревогой и неуверенностью	С безысходностью и отчаянием	Затруднились ответить
На несколько лет вперед	41,5	23,6	28,3	2,8	0,9	2,8
На несколько месяцев вперед	15,6	25,2	39,5	16,0	1,7	2,0
Пока не планирую	12,1	14,5	42,1	25,2	3,1	3,1
Не строю планов, все делаю спонтанно	14,0	14,3	38,4	25,6	4,3	3,5
Затруднились ответить	15,4	11,5	36,5	15,4	0,0	21,2
Всего	16,9	18,4	38,6	19,7	2,6	3,8

Таблица 2Б. Настроение, с которым смотрят в будущее страны, в зависимости от горизонта планирования (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

На какой срок вы планируете свое будущее?	С каким настроением вы смотрите в будущее страны?					
	С уверенностью и оптимизмом	С надеждой и без особой тревоги	С надеждой и тревогой в равной степени	С тревогой и неуверенностью	С безысходностью и отчаянием	Затруднились ответить
На несколько лет вперед	27,4	27,4	34,9	4,7	0,0	5,7
На несколько месяцев вперед	14,3	24,1	43,2	12,6	2,7	3,1
Пока не планирую	11,0	14,5	44,8	20,3	4,5	4,8
Не строю планов, все делаю спонтанно	12,4	13,2	39,1	22,1	5,8	7,4
Затруднились ответить	13,5	11,5	26,9	23,1	3,8	21,2
Всего	14,2	18,2	40,9	17,0	3,8	5,9

Рис. 4. Какое, по вашему мнению, будущее ожидает Россию? (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

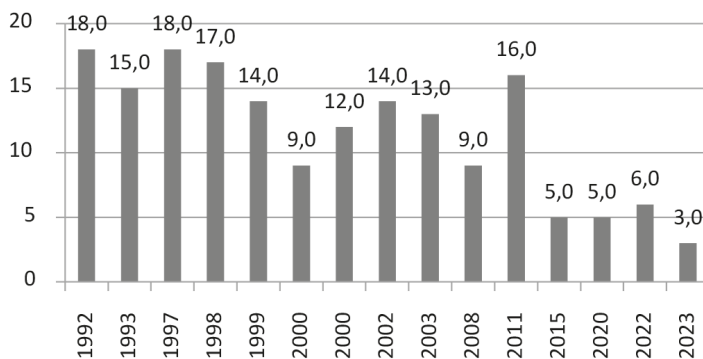

Рис. 5. Динамика доли респондентов, выбравших ответ: Россия обречена на дальнейший распад. (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

Оптимистичные ожидания будущего, а именно надежда на сохранение территориальной целостности России и ее объединительный потенциал, доминируют в общественном мнении (43% полагают, что к России присоединятся другие народы; 31% уверены, что Россия будет существовать в нынешних границах). Пессимистичный прогноз дают только 3% респондентов, полагающих, что Россия обречена на распад [Левашов и др., 2023, с. 58]. За последние 30 лет, а в особенности за последние 10 лет, доля респондентов, считающих, что Россию ожидает распад, значительно сократилась и достигла рекордно низкой отметки за весь период измерения (рис. 4–5).

Настроение, с которым граждане смотрят в *свое личное будущее*, зависит от их предположений о возможной перспективе самой страны, от картины того будущего, которое, по их мнению, ожидает Россию. Так, среди тех, кто уверен,

Таблица 3. Зависимость настроения, с которым смотрят в личное будущее от ожидаемого России будущего (РФ, июнь 2023. N = 1700, от числа опрошенных)

Какое будущее ожидает Россию?	С каким настроением вы смотрите в личное будущее?					
	С уверенностью и оптимизмом	С надеждой и без особой тревоги	С надеждой и тревогой в равной степени	С тревогой и неуверенностью	С безысходностью и отчаянием	Затруднились ответить
К России присоединятся другие народы	20,2	18,8	41,9	14,4	1,9	2,8
Россия будет существовать в нынешних границах	13,1	24,7	38,1	18,9	3,2	1,9
Россия обречена на распад	6,7	3,3	16,7	60,0	10,0	3,3
Затруднились ответить	17,1	11,0	36,0	25,4	2,2	8,3

что к «России присоединятся другие народы», 41,9 % смотрят в личное будущее с надеждой и тревогой, а 20,2 % — с уверенностью и оптимизмом. Среди тех, кто думает, что «Россия будет существовать в нынешних границах», 24,7 % смотрят в личное будущее с надеждой и без особой тревоги, а 38,1 % — с надеждой и тревогой в равной степени, 18,9 % — с тревогой и неуверенностью (табл. 3). В отличие от настроения, с которым респонденты смотрят в личное будущее, в настроении, с которым смотрят в будущее страны, чуть меньше оптимизма.

Тревоги связаны с потенциальными ожиданиями существования России как в нынешних границах, так и в новых границах с присоединенными другими народами. Надежду и тревогу в равной степени ощущают граждане России, если к России присоединятся другие народы (46,5 %) и даже если Россия останется в нынешних границах (37,8 %) (см. табл. 4).

Образ будущего порождает в массовом сознании некое недифференцированное ощущение. Формирующийся или уже сформированный конструкт несет в себе аффективное качество, заключающееся в субъективной привлекательности (положительная валентность) или непривлекательности (отрицательная валентность) этого конструкта, а также формирует определенное психологическое состояние в обществе. В зависимости от знака валентности образа будущего в обществе формируются или коллективные тревоги и страхи, или надежды и уверенность в завтрашнем дне.

Выявленные коллективные и индивидуальные опасения относительно общественных и личных перспектив (46% опрошенных не чувствуют уверенность

Таблица 4. Зависимость настроения, с которым смотрят в будущее страны, от ожидаемого России будущего (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

Какое будущее ожидает Россию	С каким настроением вы смотрите в будущее страны?					
	С уверенностью и оптимизмом	С надеждой и без особой тревоги	С надеждой и тревогой в равной степени	С тревогой и неуверенностью	С безысходностью и отчаянием	Затруднились ответить
К России присоединятся другие народы	17,9	18,6	46,5	12,3	0,7	4,0
Россия будет существовать в нынешних границах	13,5	23,1	37,8	18,9	2,9	3,8
Россия обречена на распад	6,7	6,7	3,3	23,3	50,0	10,0
Затруднились ответить	9,2	12,3	39,5	22,4	4,8	11,8

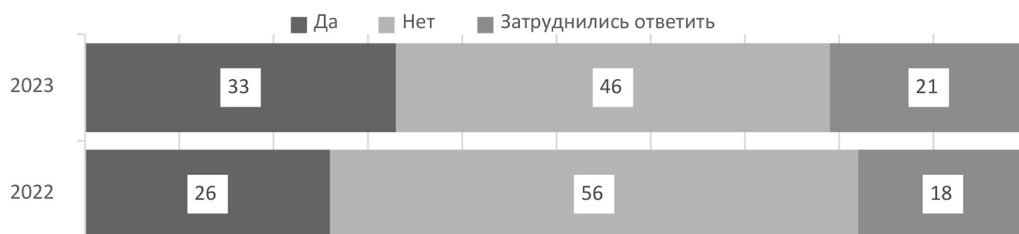

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, чувствуют ли они уверенность в завтрашнем дне (РФ, июнь 2023. N = 1700, % от числа опрошенных)

Источник: [Левашов и др., 2023, с. 59].

в завтрашнем дне, при этом ощущают спокойствие относительно своего будущего только 33,4%), значения которых несколько изменились за последний год, позволяют предположить о возможном сохранении сдвига в валентности существующего в России образа будущего в сторону положительной коннотации (рис. 6).

Относительно положительная динамика изменения уверенности в завтрашнем дне с 26% в 2022 г. до 33% в 2023 г. оставляет надежду на конструктивность государственной политики по теоретическому поиску и выявлению механизмов формирования устойчивого общенационального образа будущего.

ВЫВОДЫ

Феномен социального оптимизма в структуре социального настроения формируется при определенных внутренних условиях, создаваемых и поддерживаемых конструктивной государственной политикой.

Значимыми факторами, детерминирующими высокие значения социального оптимизма, явились факторы материального характера и проблем безопасности, долгосрочного планирования своей жизни, а также фактор сохранения целостности территории России. При этом фактор долгосрочного планирования и прогнозирования своей жизни не стал значимым в усилении оптимистичного взгляда на будущее страны, в отличие от взгляда на личное будущее. К тому же фактор изменения границ Российской территории и присоединения к ней других народов вызывает не оптимистичный взгляд и уверенность в будущем, а в большей мере тревогу и неуверенность в равной мере. Также состояние оптимизма не показало сильной зависимости от фактора социального неравенства, очевидно, пока этот фактор не рационализирован и не отрефлексирован в массовом сознании, чтобы стать значимым.

Политико-идеологические ресурсы социального оптимизма, которые входят во вторую группу факторов и включают в себя идентификацию с государством, обществом в целом, отношение к власти, к проводимой внутренней политике, оценку политической системы, отношение к политической идеологии как образу будущего обустройства России, будут представлены в следующей статье.

Литература

Барбашова Е. В., Лясковская О. В., Шуметов В. Г. Непараметрические методы моделирования в субъективной оценке качества жизни // Human Progress. 2022. Т. 9, вып. 1. <https://doi.org/10.34709/IM.191.2>

Бехтерев В. М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб., 1911. 20 с.

Богданов А. А. Цели и нормы жизни. Из психологии общества. СПб., 1906. 282 с.

Гончаров С. Ожидания от будущего: взгляды оптимистов и пессимистов // Левада-центр*. 2020. 24 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhdaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov> (дата обращения: 22.11.2022).

Донцов А. И., Зеленев И. А. О связи категоризации социального окружения («своих», «чуждых», «иных») с оптимизмом/пессимизмом у россиян // Развитие личности. 2010. № 1. С. 134–150.

Дробницкий О. Г. Оправдание безнравственности. М.: Политиздат, 1963. 112 с.

Духина Т. Н. Социальный оптимизм и социальный пессимизм в оценке социального самочувствия сельских жителей // Вестник АПК Ставрополя. 2014. № 2 (14). С. 222–226.

Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 5. С. 16–32.

Емельянова Т. П., Нестик Т. А., Семенова Т. В. Переживание напряженной социальной ситуации: роль интернального локуса контроля // Новые психологические исследования. 2022. № 1. С. 88–107. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2022_02_01_05

Журавлев А. Л., Мироненко И. А. Система научных представлений Б. Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 5. С. 28–38.

---

* Признан в Российской Федерации организацией, выполняющей функции иностранного агента.

Латов Ю. В. «Духовная атмосфера» 2020 года: опыт анализа социально-эмоционального самочувствия россиян // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 139–150. <https://doi.org/10.31857/S013216250012511-5>

Лебедева И. П. Мягкие модели как форма математизации социологического знания // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 79–84.

Левашов В. К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования). М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с.

Левашов В. К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: Юрайт, 2018. 446 с.

Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость общества: теория измерения, стратегии. М.: Научный мир, 2010. 372 с.

Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Гребняк О. В., Новоженина О. П. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: [бюллетень]. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023>

Марцинковская Т. Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 1–32.

Немчин Т. А. Состояния нервно-психического напряжения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 166 с.

Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // СоциДиггер. 2021а. Т. 2, № 9 (14): Горизонты будущего. С. 6–48.

Нестик Т. А. Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: Институт психологии РАН, 2021б. С. 19–125.

Нестик Т. А. Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 3. С. 5–17. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3>

Овчинников В. С. Формирование научного мировоззрения трудящихся в условиях развотога социалистического общества. М.: Общество «Знание», 1976. 43 с.

Павельев А. А. Социальный оптимизм и экологический пессимизм. М.: Мысль, 1977. 90 с.

Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. 327 с.

Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 351 с.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 494 с.

Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.

Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250009481-2>

Синютин В. И. Диалектика пролетарского оптимизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 174 с.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. Ю. В. Согомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Сычев О. А. Проявление оптимизма-пессимизма в антиципации // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». 2008. Вып. 9. С. 56–62.

Темницкий А. Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 4. С. 19–35.

Тимофеев Т. Т. Философия исторического оптимизма. М.: Знание, 1975. 64 с.

Толстой К. К. Корни беспросветного пессимизма: «Оптимистическая» философия проф. И. И. Мечникова. СПб.: Типо-лит. Евг. Тиле, 1909. 193 с.

Тощенко Ж. Т. Настроение социальное // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. М.: Юнити-Дана, 2009. С. 119–122.

Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.

Тощенко Ж. Т. Социальное настроение как феномен современной общественной практики // Социология на пороге XXI века: основные направления исследований / под ред. С. И. Григорьева, Ж. Кознен-Хуттера. М.: РУСАКИ, 1999. С. 248–265.

Шестопад Е. Б., Селезнева А. В., Нестик Т. А., Юревич А. В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 5. С. 3–14.

Ядов В. А. Социологические исследования: Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1987. 336 с.

Bandura A. Exercise of human agency through collective efficacy // Current Directions in Psychological Science. 2000. Vol. 9, no. 3. P. 75–78. <https://doi.org/10.1111/14678721.00064>

Cornish F., Campbell C., Montenegro C. Activism in Changing Times: Reinvigorating Community Psychology — Introduction to the Special Thematic Section // Journal of Social and Political Psychology. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 526–542. <https://doi.org/10.5964/jspp.v6i2.1111>

Jin B., Kim Y.-C. Rainbows in society: A measure of hope for society // Asian Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 22, no. 1. P. 18–27.

Kelley H. H., Thibaut J. W. The Social Psychology of Groups. New York: John Wiley, 1959. 342 p.

Makanju D., Livingstone A. G., Sweetman J. How Group Members Appraise Collective History: Appraisal Dimensions of Collective History and Their Role in In-Group Engagement // Journal of Social and Political Psychology. 2023. Vol. 11, no. 1. P. 229–246. <https://doi.org/10.5964/jspp.6355>.

Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., Jankauskaitė V. The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust // Politologija. 2017. Vol. 85, no. 1. P. 3–55.

Muncy J., Iyer R. The impact of the implicit theories of social optimism and social pessimism on macro attitudes towards consumption // Psychology & Marketing. 2020. Vol. 37, no. 2. P. 216–231.

Phoenix D. L. Black Hope Floats: Racial Emotion Regulation and the Uniquely Motivating Effects of Hope on Black Political Participation // Journal of Social and Political Psychology. 2020. Vol. 8(2). P. 662–685. <https://doi.org/10.5964/jspp.v8i2.847>

Pietrantonio L. Collective efficacy // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research / ed. A. C. Michalos. Dordrecht: Springer, 2014, p. 987–989.

Scheier M. F., Carver C. S., Bridges M. W. Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A re-evaluation of the Life Orientation Test // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 67. P. 1063–1078.

Schweizer K., Schneider R. Social optimism as generalized expectancy of a positive outcome // Personality and Individual Differences. 1997. Vol. 22. P. 317–325. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3>

Seligman M. E. Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life. New-York: Vintage, 2006. 336 p.

Włodarczyk An., Basabe N., Pérez D., Zumeta L. Hope and Anger as Mediators Between Collective Action Frames and Participation in Collective Mobilization: The Case of 15-M. // Journal of Social and Political Psychology. 2017. Vol. 5, no. 1. P. 200–223. <https://doi.org/10.5964/jspp.v5i1.471>

Левашов Виктор Константинович — д-р социол. наук; levachov@mail.ru

Сащенко Наталья Петровна — канд. психол. наук, доц., вед. науч. сотр.; nsaschenko@mail.ru

Лиханова Тамара Юрьевна — мл. науч. сотр.; likhanova@испи.рф

Статья поступила в редакцию: 15 октября 2023 г.;

рекомендована к печати: 26 февраля 2024 г.

Для цитирования: Левашов В. К., Сащенко Н. П., Лиханова Т. Ю. Ресурсный потенциал социального оптимизма в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 2. С. 144–166. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.201>

THE RESOURCE POTENTIAL OF SOCIAL OPTIMISM IN MODERN RUSSIA

Viktor K. Levashov

Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 6, ul. Fotievoi, Moscow, 119333, Russian Federation; levachov@mail.ru; nsaschenko@mail.ru; likhanova@испи.рф

Natalia P. Sashchenko

Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 6, ul. Fotievoi, Moscow, 119333, Russian Federation; levachov@mail.ru; nsaschenko@mail.ru; likhanova@испи.рф

Tamara Y. Likhanova

Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 6, ul. Fotievoi, Moscow, 119333, Russian Federation; levachov@mail.ru; nsaschenko@mail.ru; likhanova@испи.рф

The article presents the results of a socio-political analysis of the phenomenon of social optimism in its connection with the ideas of Russian citizens about a positive image of the future. The problematic situation is caused by an urgent cognitive demand for awareness of the optimal stable political perspective of society and a predictable personal life strategy of citizens, which should be relevant to socio-political attitudes and social ideas of society about the successful future of Russia. At the theoretical level the authors rely on the provisions of the cognitive theory of “expected value”, the concepts of collective efficiency and self-development, mental attitude, political culture, sustainable socio-political development of society as the conceptual scientific foundations of research on modern social reality in the system of objectively established global social and political relations. At the empirical level the authors attract arrays of information from the sociological monitoring “How are you living, Russia?” of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Science, the analysis of which makes it possible to understand the dynamics of social optimism in society, correlations between levels of social optimism and socio-psychological, socio-economic and socio-political resources of Russian society and the state, contributing to or hindering the activation of resource zones of social optimism. The dysfunctions of the formation of a stable state of social optimism are revealed: the preservation of a dominant position in the problem field of factors of material status and security, the blurring of ideological preferences and political attitudes, the short horizon of planning for the personal and the country’s future. The socio-psychological and political resources influencing the change in the nature of social mood in general and social optimism in particular, and creating prerequisites for the preservation of the historically established political culture of Russian society are highlighted: national-state identity, social trust, value-semantic component of historical memory and the vector of modernization of state policy. Among the recommendations of scientific and practical priorities, the theoretical search and practical development of effective mechanisms for forming the image of a fair, sustainable multipolar future are highlighted.

Keywords: social optimism, image of the future, political culture, social anxiety, identity, institutional trust, social and political values and institutions, horizons of socio-political expectation and planning.

References

Bandura A. Exercise of human agency through collective efficacy. *Current Directions in Psychological Science*, 2000, vol. 9, no. 3, pp. 75–78. <https://doi.org/10.1111/14678721.00064>

- Barbashova E. V., Lyaskovskaya O. V., Shumetov V. G. Nonparametric modeling methods in the subjective assessment of the quality of life. *Human Progress*, 2022, vol. 9, iss. 1. <https://doi.org/10.34709/IM.191.2> (In Russian)
- Bekhterev V. M. *The subject and tasks of social psychology as an objective science*. St. Petersburg, 1911. 20 p. (In Russian)
- Bogdanov A. A. *Goals and norms of life. From the Psychology of Society*. St. Petersburg, 1906. 282 p. (In Russian)
- Cornish F., Campbell C., Montenegro C. Activism in Changing Times: Reinvigorating Community Psychology — Introduction to the Special Thematic Section. *Journal of Social and Political Psychology*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 526–542. <https://doi.org/10.5964/jspp.v6i2.1111>
- Dontsov A. I., Zelenev I. A. On the connection of categorization of the social environment (“own”, “alien”, “other”) with optimism/pessimism among Russians. *Personal development*, 2010, no. 1, pp. 134–150. (In Russian)
- Drobnitsky O. G. *Justification of immorality*. Moscow: Politizdat Publ., 1963. 112 p. (In Russian)
- Dukhina T. N. Social optimism and social pessimism in assessing the social well-being of rural residents. *Agrarian Bulletin of Stavropol Region*, 2014, no. 2 (14), pp. 222–226. (In Russian)
- Emelyanova T. P., Drobysheva T. V. The image of future well-being in the everyday consciousness of Russians. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2013, vol. 34, no. 5, pp. 16–32. (In Russian)
- Emelyanova, T. P., Nestik, T. A., Semenova, T. V. Experiencing a tense social situation: the role of the internal locus of control. *New psychological research*, 2022, no. 1, pp. 88–107. https://doi.org/10.51217/npsiresearch_2022_02_01_05 (In Russian)
- Goncharov S. Expectations from the future: views of optimists and pessimists. *Levada-center**. 2020. November 24. Available at: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov> (accessed: 11/22/2022). (In Russian)
- Jin B., Kim Y.-C. Rainbows in society: A measure of hope for society. *Asian Journal of Social Psychology*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 18–27.
- Kelley H. H., Thibaut J. W. *The Social Psychology of Groups*. New York: John Wiley, 1959. 342 p.
- Latov Yu. V. “Spiritual atmosphere” of 2020: the experience of analyzing the socio-emotional well-being of Russians. *Sociological research*, 2020, no. 12, pp. 139–150. <https://doi.org/10.31857/S013216250012511-5> (In Russian)
- Lebedeva, I. P. Soft models as a form of mathematization of sociological knowledge. *Sociological research*, 2015, no. 1, pp. 79–84. (In Russian)
- Levashov V. K. *Political culture of Russian society (The experience of sociological research)*. Moscow: FNISTC RAS Publ., 2020. 307 p. (In Russian)
- Levashov V. K. *Socio-political stability of society: measurement theory, strategies*. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 2010. 372 p. (In Russian)
- Levashov V. K. *The Russian state and society in the period of liberal reforms*. Moscow: Iurait Publ., 2018. 446 p. (In Russian)
- Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S., Grebnyak O. V., Novoshenina O. P. How are you living, Russia? Express information. 53 stage of sociological monitoring, June 2023: [bulletin]. Moscow: FNISTC RAS, 2023. 91 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023> (In Russian)
- Makanju D., Livingstone A. G., Sweetman J. How Group Members Appraise Collective History: Appraisal Dimensions of Collective History and Their Role in In-Group Engagement. *Journal of Social and Political Psychology*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 229–246. <https://doi.org/10.5964/jspp.6355>
- Marcinkovskaya T. D. Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology. *Psychological Studies*, 2017, vol. 10, no. 56, pp. 1–32. (In Russian)
- Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., Jankauskaitė V. The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust. *Politologija*, 2017, vol. 85, no. 1, pp. 3–55.
- Muncy J., Iyer R. The impact of the implicit theories of social optimism and social pessimism on macro attitudes towards consumption. *Psychology & Marketing*, 2020, vol. 37, no. 2, pp. 216–231.

* Yuri Levada is recognized as a foreign agent in the Russian Federation.

- Nemchin T.A. *States of neuropsychic tension*. Leningrad: LGU Publ., 1983. 166 p. (In Russian)
- Nestik T.A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis. *SocioDigger*, 2021a, vol. 2, no. 9 (14): Horizons of the future, pp. 6–48. (In Russian)
- Nestik T.A. Social optimism of Russians in a crisis: the results of a longitudinal study. *Psychological Journal*, 2023, vol. 44, no. 3, pp. 5–17. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3> (In Russian)
- Nestik T.A. The experience of the epidemiological threat by Russians as a socio-psychological phenomenon: the results of a series of empirical studies. In: *The impact of the pandemic on personality and society: psychological mechanisms and consequences*, ed. by T.A. Nestik, A. L. Zhuravlev, A. E. Vorobyova. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2021b, pp. 19–125. (In Russian)
- Ovchinnikov B. C. *The formation of the scientific worldview of workers in a developed socialist society*. Moscow: Obschestvo "Znanie" Publ., 1976. 43 p. (In Russian)
- Parygin B. D. *Fundamentals of social-psychological theory*. Moscow: Mysl' Publ., 1971. 351 p.
- Parygin B. D. *Public mood*. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 327 p. (In Russian)
- Pavelyev A. A. *Social optimism and ecological pessimism*. Moscow: Mysl' Publ., 1977. 90 p. (In Russian)
- Petrovsky A. V., Yaroshevsky M. G. *Psychology*. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury Publ., 1990. 494 p. (In Russian)
- Phoenix D. L. Black Hope Floats: Racial Emotion Regulation and the Uniquely Motivating Effects of Hope on Black Political Participation. *Journal of Social and Political Psychology*, 2020, vol. 8(2), pp. 662–685. <https://doi.org/10.5964/jspp.v8i2.847>
- Pietrantoni L. Collective efficacy. In: *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, ed. by A. C. Michalos. Dordrecht: Springer, 2014, p. 987–989.
- Porshnev B. F. *Social psychology and history*. Moscow: Nauka Publ., 1979. 232 p. (In Russian)
- Reshetnikov A. V., Prisyazhnaya N. V., Pavlov S. V., Vyatkina N. Yu. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sociological research*, 2020, no. 7, pp. 138–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250009481-2> (In Russian)
- Scheier M. F., Carver C. S., Bridges M. W. Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A re-evaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, vol. 67, pp. 1063–1078.
- Schweizer K., Schneider R. Social optimism as generalized expectancy of a positive outcome. *Personality and Individual Differences*, 1997, vol. 22, pp. 317–325. <https://doi.org/10.31857/S020595920026152-3>
- Seligman M. E. *Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life*. New-York: Vintage, 2006. 336 p.
- Shestopal E. B., Selezneva A. V., Nestik T. A., Yurevich A. V. The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia. *Voprosy Psichologii*, 2021, vol. 67, no. 5, pp. 3–14. (In Russian)
- Sinyutin V. I. *Dialectics of proletarian optimism*. Leningrad: LGU Publ., 1986. 174 p. (In Russian)
- Sorokin P. *Man. Civilization. Society*, ed. by Yu. V. Sogomonov, transl. from Eng. Moscow: Politizdat Publ., 1992. 543 p. (In Russian)
- Sychev O. A. Manifestation of optimism-pessimism in anticipation. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2008, iss. 9, pp. 56–62. (In Russian)
- Temnitskiy A. L. Socio-cultural factors of optimism of modern youth of Russia. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 19–35. (In Russian)
- Timofeev T. T. *Philosophy of Historical Optimism*. Moscow: Znanie Publ., 1975. 64 p. (In Russian)
- Tolstoy K. K. *The roots of hopeless pessimism: The "Optimistic" philosophy of Prof. I. I. Mechnikov*. St. Petersburg: Tipo-lit. "Evg. Thiele" Publ., 1909. 193 p. (In Russian)
- Toshchenko Zh. T. Social mood — a phenomenon of modern sociological theory and practice. *Sociological research*, 1998, no. 1, pp. 21–34. (In Russian)
- Toshchenko Zh. T. Social mood as a phenomenon of modern social practice. In: *Sociology on the threshold of the XXI century: the main directions of research*, ed. by S. I. Grigoriev, J. S. Koenen-Hutter J. S. Moscow: RUSAKI Publ., 1999, pp. 248–265. (In Russian)
- Toshchenko Zh. T. Social mood. In: *Thesaurus of sociology. Thematic dictionary-reference*. Moscow: Iuniti-Dana Publ., 2009, pp. 119–122. (In Russian)

Wlodarczyk An., Basabe N., Páez D., Zumeta L. Hope and Anger as Mediators Between Collective Action Frames and Participation in Collective Mobilization: The Case of 15-M. *Journal of Social and Political Psychology*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 200–223. <https://doi.org/10.5964/jspp.v5i1.471>

Yadov V.A. *Sociological research: Methodology. Program. Methods*. Moscow: Nauka Publ., 1987. 336 p. (In Russian)

Zhuravlev A.L., Mironenko I.A. System of scientific ideas B.D.Parygina in the field of social psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2012, vol. 33, no. 5, pp. 28–38. (In Russian)

Received: October 15, 2023

Accepted: February 26, 2024

For citation: Levashov V.K., Sashchenko N.P., Likhanova T.Y. The resource potential of social optimism in modern Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 144–166. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.201> (In Russian)